

КНИГА 1

Новые испытания

ПРОЛОГ

Тело на удивление податливо. А дух — и того более. Однако существуют испытания, после которых уже никогда не станешь прежним.

Твои слова, *a nighean?*¹ Это правда — тело легко искалечить, и дух можно сломить, но все же в человеке есть то, что нельзя уничтожить.

¹ Девочка, девушка (гэльск.). (Здесь и далее — примечания переводчика.)

ЧАСТЬ 1

Возмущение вод¹

¹ Ин. 5:3,4.

Глава 1

ИНОГДА ОНИ И ВПРАВДУ МЕРТВЫ

Уилмингтон, колония Северная Каролина. Июль, 1776 г.

Голова пирата исчезла. Уильям услышал, как кучка зевак на причале неподалеку оживленно гадают, покажется ли она снова.

— Не-а, утоп, и с концами, — качая головой, произнес оборванец метис. — Ежели олли-гатор его не сожрет, то вода точно утащит.

Какой-то малый, похоже из лесной глуши, перекатил во рту табачную жвачку и в знак несогласия сплюнул в воду.

— Нет, еще денек-другой протянет. Хрящи, что удерживают голову, высыхают на солнце. Становятся жесткими, что твое железо. Сколько раз я видел, как это происходит с оленьими тушами.

Уильям заметил, что миссис Маккензи бросила взгляд на гавань и поспешно отвела глаза. Ему показалось, что она побледнела, и он чуть подвинулся, пытаясь загородить собой зевак и бурюю воду, хотя высокий прилив и так скрывал привязанный к столбу труп. Впрочем, сам столб торчал, как суровое напоминание о расплате за преступление. Несколько дней назад пирата приговорили к утоплению в илистых прибрежных водах, и стойкость его разлагающегося трупа успела стать притчей во языцех.

— Джем! — внезапно воскликнул мистер Маккензи и рванул мимо Уильяма вдогонку за сыном. Мальчуган, такой же рыжеволосый, как его мать, ускользнул от присмотра, чтобы послушать людские разговоры, и теперь, держась за швартовую тумбу и едва не падая в воду, пытался разглядеть мертвого пирата.

Мистер Маккензи поймал парнишку за ворот и поднял на руки, хотя тот отчаянно вырывался и тянул шею, оглядываясь на заболоченную гавань.

— Папа, я хочу посмотреть, как олли-гатор сожрет пирата!

Зеваки расхохотались, даже Маккензи слегка усмехнулся, но улыбка тотчас исчезла, когда он взглянул на жену. В ту же секунду он бросился к ней и подхватил за локоть.

— Думаю, нам пора идти, — сказал Маккензи, поудобнее взял сына, чтобы поддержать жену, которую явно что-то тревожило, и продолжил: — У лейте-

нанта Рэнсома... то есть лорда Элсмira, — поправился он, взглянув на Уильяма с извиняющейся улыбкой, — наверняка есть другие дела.

Что верно, то верно: Уильям собирался поужинать с отцом. Впрочем, они договорились встретиться в таверне как раз напротив причала, захочешь — не разминешься.

Уильям не преминул сообщить об этом семейству Маккензи и попросил их остаться: они ему нравились, особенно миссис Маккензи. Хотя краска уже вернулась на побледневшее лицо молодой женщины, она лишь сокрушенно улыбнулась и погладила по голове маленькую дочь, которую держала на руках.

— Нет, нам и вправду пора. — Миссис Маккензи посмотрела на сына, который все еще пытался вырваться из рук отца, украдкой взглянула на гавань и торчащий над приливной водой столб, затем решительно перевела взгляд на Уильяма. — Малышка вот-вот проснется и захочет есть. И все же я очень рада нашей встрече. Жаль, что мы так мало поболтали.

Она сказала это с подкупающей искренностью и легонько коснулась руки Уильяма, отчего у того сладко заныло внизу живота.

Теперь зеваки бились об заклад, появится ли снова утопленник или нет, хотя, судя по всему, в карманах у них гулял ветер.

— Два против одного, что он никуда не денется после отлива.

— Тело останется, а вот головы не будет, ставлю пять к одному. Чего бы ты там ни болтал, Лем, про хрящи, голова-то чуть ли не на ниточке держалась, когда его приливом накрыло. Как пить дать, оторвется.

Надеясь отвлечь внимание от этого разговора, Уильям начал изысканно прощаться и дошел до того, что в самой лобезной придворной манере поцеловал руку миссис Маккензи, а потом, в порыве вдохновения, чмокнул ручку малышки, отчего все рассмеялись. Мистер Маккензи странно посмотрел на него, но, похоже, не обиделся и пожал ему руку совершенно по-республикански, а потом, продолжая шутку, опустил сына на землю, чтобы тот тоже обменялся рукопожатием с Уильямом.

— А вы кого-нибудь убили? — с интересом спросил мальчуган, глядя на его палаш.

— Пока нет, — улыбнулся Уильям.

— Мой дедушка убил две дюжины человек!

— Джемми! — в один голос воскликнули родители мальчугана, и тот сразу втянул голову в плечи.

— Это правда!

— Я уверен, что твой дед храбрый и неистовый воин, — серьезно сказал Уильям. — Королю всегда нужны такие люди.

— Дедушка говорит, что король может поцеловать его в задницу, — как ни в чем не бывало ответил мальчишка.

— ДЖЕММИ!

Мистер Маккензи закрыл ладонью рот своего чересчур прямодушного отпрыска.

— Ты же знаешь, что твой дедушка не говорил ничего подобного! — сказала миссис Маккензи.

Мальчуган согласно закивал, и отец убрал руку с его рта.

— Он не говорил, а бабуля говорила!

— Вот это больше похоже на правду, — пробормотал мистер Маккензи, с трудом сдерживая смех. — Тем не менее мы не говорим таких вещей солдатам, ведь они служат королю.

— Да? — рассеянно переспросил Джемми, явно теряя интерес к разговору. — А отлив уже начался?

— Нет, — твердо произнес мистер Маккензи. — И начнется еще не скоро. Ты уже будешь спать.

Щеки миссис Маккензи очаровательно заалели от смущения. Она одарила Уильяма извиняющейся улыбкой, и все семейство несколько поспешно удалилось, а Уильям, в душе которого желание рассмеяться боролось с отчаянием, остался.

— Эй, Рэнсом!

Услышав свое имя, он оглянулся и увидел Гарри Добсона и Колина Осборна — оба были вторыми лейтенантами из его полка, которые, судя по всему, пренебрегли службой, желая поскорее навеститься в злачные места Уилмингтона, какими бы те ни были.

— Кто это?

Добсон с любопытством уставился вслед уходящему семейству.

— Мистер и миссис Маккензи, друзья моего отца.

— Так она замужем? — Добсон втянул щеки, все еще разглядывая молодую женщину. — Хм, это слегка осложняет дело, но что за жизнь без трудностей?

— Трудности? — Уильям бросил скептический взгляд на своего невысокого друга. — Если ты не заметил, ее муж больше тебя раза в три.

Осборн рассмеялся и покраснел.

— Она сама в два раза больше Добби! Да она тебя раздавит!

— А с чего ты взял, что я буду внизу? — с достоинством спросил Добсон.

Осборн присвистнул.

— Откуда у тебя такая страсть к великаншам? — поинтересовался Уильям, взглянув на семью, которая почти скрылась из виду в конце улицы. — Эта женщина почти с меня ростом!

— Давай, сыпь соль на раны, не стесняйся!

Осборн, будучи выше Добсона с его пятью футами, все же был на голову ниже Уильяма и теперь шуточно пнул приятеля в коленку. Уильям увернулся и ткнул кулаком Осборна. Тот пригнулся и толкнул Уильяма на Добсона.

— Джентльмены!

Грозный голос с простонародным лондонским акцентом, принадлежащий сержанту Каттеру, прозвучал как гром среди ясного неба. Может, молодые люди и превосходили его по званию, но никто из них не осмеливался напомнить об этом сержанту. Весь батальон трепетал перед сержантом Каттером, который был старше самого Бога и примерно одного роста с Добсоном, зато в его тщедушном теле бурлила неистовая ярость огромного извергающегося вулкана.

— Сержант!

Лейтенант Уильям Рэнсом — граф Элсмир и старший по званию из всех четверых — выпрямился, уткнув подбородок в шейный платок. Осборн и Добсон поспешно последовали примеру приятеля, содрогаясь от страха.

Каттер прохаживался перед ними как леопард, преследующий добычу. Уильям буквально видел этого хищника, который подергивает хвостом и облизывается. Ожидание укуса было чуть ли не хуже, чем боль от впившихся в задницу клыков.

— И где же ваши подчиненные, *сэ-эры*? — прорычал Каттер.

Осборн и Добсон торопливо пустились в объяснения, но лейтенант Рэнсом в кои-то веки оказался в числе праведников.

— Мои люди под руководством лейтенанта Колсона охраняют резиденцию губернатора, сержант. А я получил увольнительную, чтобы поужинать с отцом, — почтительно сказал он. — Сэр Питер разрешил.

С именем сэра Питера Пэкера приходилось считаться, и Каттер замолк на полуслове. Впрочем, к большому удивлению Уильяма, вовсе не имя сэра Питера оказало столь волшебное действие.

— С отцом? — прищурился Каттер. — Ваш отец — лорд Джон Грей, так?

— Э-э... да, — осторожно ответил Уильям. — Вы... вы его знаете?

Не успел Каттер ответить, как дверь таверны неподалеку открылась и оттуда вышел отец Уильяма. Уильям улыбнулся, радуясь столь своевременному появлению, но под пристальным взглядом сержанта улыбка тотчас исчезла.

— А ну, не скальтесь тут, словно какая-то обезьяна, — свирепо начал сержант, однако осекся, когда лорд Джон панибратски хлопнул его по плечу. Никто из трех лейтенантов не решился бы на подобную фамильярность даже за большие деньги.

— Каттер! — сказал лорд Джон, тепло улыбаясь. — Я услышал ваши нежные трели и сказал себе: «Будь я проклят, если это не сержант Алоизиус Каттер! В мире нет другого человека, чей голос так походил бы на рык бульдога, который проглотил кошку и выжил, чтобы рассказать об этом!»

— Алоизиус? — одними губами спросил Добсон Уильяма. Тот лишь коротко проворчал что-то в ответ, не в состоянии пожать плечами, так как в этот миг отец повернулся к нему и приветливо кивнул.

— Уильям, да ты весьма пунктуален! — сказал он. — Приношу свои извинения за опоздание: меня задержали.

Прежде чем Уильям успел ответить или представить приятелей, лорд Джон вместе с сержантом Каттером погрузились в долгие воспоминания о том, как сражались на Авраамовых полях¹ под предводительством генерала Вольфа. Они словно заново переживали старое доброе время.

Трое молодых офицеров несколько расслабились, и для Добсона это означало, что можно вернуться к прежней теме разговора.

¹ Авраамовы поля — историческое место в Канаде, где 13 сентября 1759 года произошло одно из решающих сражений франко-индейской войны. Победа в битве обеспечила англичанам возможность захватить последний французский порт Квебек и тем самым установить свою власть на всей территории Канады. Генерал Вольф погиб в сражении.

— Так ты говоришь, та рыжая красotka — знакомая твоего отца? — прошептал он Уильяму. — Спроси у него, где она остановилась, ладно?

— Придурок! — зашипел Осборн. — Она ведь даже не хорошенькая! Длинноногая, как... как Вилли!

— Да не смотрел я вверх, на ее лицо, — ухмыльнулся Добсон. — А вот ее сиськи как раз торчали у меня перед глазами, и они...

— Осел!

— Ш-ш! — шикнул Осборн и наступил на ногу Добсону, чтобы тот замолчал: лорд Джон вновь повернулся к молодым людям.

— Может, представишь меня своим друзьям, Уильям? — вежливо спросил он.

Уильям густо покраснел — он знал, что у отца прекрасный слух, несмотря на службу в артиллерийских войсках, — и представил приятелей. Осборн и Добсон поклонились с довольно испуганным видом. Раньше они не догадывались, кто его отец, и теперь Уильям одновременно гордился произведенным впечатлением и слегка смущался из-за того, что друзья узнали о его родстве с лордом Джоном. Похоже, к завтрашнему ужину об этом будет судачить весь батальон. Конечно, сэр Питер все знает, но...

Он собрался с мыслями, обнаружив, что отец прощается за них обоих, торпливо, хотя и подобающим образом, отсалютовал сержанту Каттеру и поспешил за отцом, предоставив Осборна и Добсона самим себе.

— Я видел, как ты разговаривал с мистером и миссис Маккензи, — заметил вскользь лорд Джон. — Полагаю, у них все хорошо?

Он бросил взгляд на причал. Семейство Маккензи давно скрылось из виду.

— Вроде бы да, — ответил Вилли.

Он не собирался спрашивать, где они остановились, однако его никак не отпускало впечатление от молодой женщины. Уильям не мог сказать, красивая она или нет, но его поразили ее глаза: восхитительного синего цвета, обрамленные длинными золотистыми ресницами, они глядели на него с приятной пронизательностью, от которой теплело на сердце. Необычайно высокая, конечно, но... Господи, о чем он только думает! Замужняя женщина, с детьми! Да еще и рыжеволосая!

— Ты... хм... давно их знаешь? — спросил Уильям, думая о довольно своеобразных политических настроениях, которые, похоже, процветали в этой семье.

— Достаточно долго. Она — дочь моего старинного друга, мистера Джеймса Фрэзера. Может, ты его помнишь?

Уильям нахмурился. Имя ничего ему не говорило, у отца тысячи друзей, разве можно...

— О! Он не англичанин, ты это имеешь в виду? А не у мистера ли Фрэзера мы гостили в горах, когда ты подцепил эту, как ее... корь?

Внутри у него что-то дрогнуло, когда он вспомнил об ужасе, который тогда пережил. Мать умерла всего лишь месяц назад, и Уильям путешествовал в горах, охваченный тоской. А потом лорд Джон заболел корью, и Уильям не сомневался, что отец тоже умрет и оставит его одного посреди диких лесов. В его мыслях не осталось ничего, кроме страха и горя, и от того визита он сохранил